

ББК 60.542.4

Л. В. Клименко

**ГЕНДЕРНЫЕ ДИСПОЗИЦИИ
В СОВРЕМЕННОЙ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ СЕМЬЕ:
МОДЕРНИЗАЦИЯ ИЛИ АРХАИЗАЦИЯ**

Современное пространство российского общества активно вовлечено в модернизационные процессы, подразумевающие внедрение в стране рыночных институтов, правового государства, либерализма и др. Однако в силу социально-экономической и этнокультурной гетерогенности территориального состава Российского государства процесс модернизации зачастую характеризуется различной степенью интенсивности и определенными специфическими особенностями в зависимости от конкретного региона его протекания. Продвижение к демократическим формам организации политико-правовой сферы и современным типам социально-экономических отношений наиболее неоднозначно и противоречиво реализуется на Северном Кавказе. Для данного региона характерны специфические особенности, заключающиеся в высоком уровне этнокультурной гетерогенности, преимущественном сохранении традиционных механизмов социальной регуляции и внутриэтнических солидарных связей.

Как правило, в качестве критериев модернизационного процесса основной частью как теоретиков, так и управленцев рассматриваются происходящие изменения в экономической, политической и социоструктурной сферах. Между тем для судеб модернизации являются в высшей степени значимыми и социокультурные трансформации, в частности содержание и принципы организации гендерной системы. Как отмечает М. М. Малышева, отслеживание даже экономических преобразований без учета гендерной дифференциации не может быть полным и комплексным: «Гендерный анализ рыночных процессов дает наиболее адекватное понимание той стадии, на которой находится реформирование общества. Благодаря ему становится очевидным, что само по себе расширение производства, увеличение объема продукции и предоставляемых услуг только отдаленно говорит о движении к демократии» [8, с. 58].

Тем более необходимо изучать гендерный ракурс модернизационных изменений в Северо-Кавказском регионе. Здесь стержневым элементом структурной организации жизни этноса являются принципы регулирования межполовых отношений. А в контексте современной актуализации на Северном Кавказе этнонациональных традиций, которые зачастую несут антимодернистский потенциал и возрождают архаичные формы организации социальной жизни, особенно важным является анализ социокультурных основ функционирования этнических общностей данного региона. Поэтому, говоря о *глубине* происходящих модерни-

зационных сдвигов в полиэтничных регионах Юга России, нельзя не учитывать современный характер и направление трансформации гендерных отношений, составляющих ядро этнической культуры народов, его населяющих.

Такая постановка проблемы определила содержание серии прикладных социологических исследований, проведенных по идентичному инструментарию в разных типах субрегионов Северного Кавказа:

1) «русскоязычных» субъектах с достаточно выраженным уровнем урбанизированности и индустриализации, население которых ориентировано на модернистские типы социального взаимодействия (Ростовская область, Краснодарский край, Ставропольский край);

2) северокавказских республиках, представляющих переходный тип между традиционным и индустриальным уровнем социально-экономического развития (республики, включающие адыгские этнические группы, — Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, а также Северная Осетия-Алания);

3) республиках преимущественно традиционной культуры с демодернизированной экономикой, население которых относится к нахско-дагестанской группе (Ингушетия, Чечня, Дагестан).

Подобное сегментирование макрорегиона Северного Кавказа обосновано в работах Г. С. Денисовой, Г. Г. Матишова, В. А. Авксентьева, Л. Л. Хоперской и других [3, 9, 1, 13, 15]. Как правило, социокультурные процессы в данных субрегионах протекают однотипно, что позволяет в сравнительном анализе использовать разные территориальные субъекты Северного Кавказа, представляющие одну и ту же типологическую группу.

Такая постановка проблемы определила содержание серии прикладных социологических исследований, проведенных по идентичному инструментарию на *первом этапе в 2004 г.* (в Карачаево-Черкесской республике опрошено 334 чел., Республике Ингушетия — 270 чел., Ростовской области — 276 чел.) и *на втором — в 2010 г.* (в Республике Адыгея — 300 чел., в Республике Ингушетия — 300 чел., в Кабардино-Балкарской республике — 262 чел., в Ростовской области — 300 чел.). Социально-демографические параметры выборки представлены в табл. 1, 2. Исследование осуществлялось по «разведывательному типу» [16, с. 112] методом стандартизированного интервью.

В качестве маркеров трансформации гендерных отношений при переходе от традиционных к современным принципам социальной организации северокавказских обществ в исследовании выступали следующие показатели: проблемы гендерной иерархии в семье, межполового разделения домашнего труда; соблюдение обычаев гендерного этноэтикета.

Анализ традиционных обществ Северного Кавказа показывает, что по выделенным индикаторам модели гендерных отношений культуры коренных народов данного региона можно охарактеризовать как андроцентрические [11, с. 236]. Это проявлялось в аскриптивном приоритете статуса мужчины (в первую очередь старшего) в семье, гендерном и возрастном разделении труда, обычаях избегания, исключении женщин из общественно-политической жизни, ограничении их имущественных прав [4, 10, 5, 7]. В советский период развития этот гендерный порядок был подвергнут существенной трансформации прак-

Гендерные аспекты этнокультурных процессов

тикой активного вовлечения женщин в производственную деятельность, распространением нуклеарного типа семьи, что в значительной степени ослабило главенство старшего мужчины в семье. Однако в семейно-бытовой сфере в большинстве случаев продолжала воспроизводиться традиционная модель отношений между полами — доминирование и подчинение [6, 12, 14].

Таблица 1

Параметры выборки исследования 2004 г., %

	РИ (N=334)	КЧР (N=270)	РО (N=276)
Пол:			
мужской	36,3	37,9	39,3
женский	63,7	62,1	60,7
Образование:			
неполное среднее	1,5	—	—
полное среднее	3,0	2,2	2,9
среднее специальное	18,7	24,9	24,5
незаконченное высшее	10,4	7,4	10,1
высшее	66,4	65,5	62,5
Возраст:			
16—24	12,7	13,6	16,3
25—34	38,8	37,5	37,7
35—44	31,3	29,9	26,1
45—60	15,7	14,2	15,9
старше 60 лет	1,5	4,8	4,0

Примечание. Здесь и далее в таблицах: КЧР — Карачаево-Черкесская Республика, РИ — Республика Ингушетия, КБР — Кабардино-Балкарская Республика, РА — Республика Адыгея.

Таблица 2

Параметры выборки исследования 2010 г., %

	РИ (N=300)	РА (N=300)	КБР (N=262)	РО (N=300)
Пол:				
мужской	39,3	38,3	39,9	40,5
женский	60,7	61,7	60,1	59,5
Образование:				
неполное среднее	4,1	1,0	—	3,4
полное среднее	4,7	3,7	6,6	5,5
среднее специальное	15,9	16,0	11,6	18,2
незаконченное высшее	14,7	14,6	15,4	14,7
высшее	60,6	64,7	66,4	58,2
Возраст:				
16—24	22,2	23,1	28,9	25,1
25—34	30,2	31,2	32,6	28,4
35—44	26,5	25,2	21,7	27,3
45—60	18,4	19,1	14,3	14,3
старше 60 лет	2,7	1,4	2,5	4,9

Устойчивость традиционных институтов этнокультуры народов, населяющих Северный Кавказ, несмотря на происшедшие с начала 90-х гг. политические, экономические и социальные перемены, продолжает определять содержание гендерного взаимодействия и в постперестроечный период развития региона. Результаты этносоциологических исследований показывают, что большинство мужчин Юга России и в 2004 г., и в 2010 г. ориентированы на проявление традиционного гендерного дисплея — оценку своего семейного статуса как лидирующего и поддержание межполового разделения труда. Вместе с тем эмпирические замеры фиксируют трансформацию взглядов на семейно-брачные, личностные и хозяйственные отношения в домашнем быту со стороны женщин, которые с разной степенью выраженности, но ориентированы на декомпозицию традиционной модели семейных отношений в аспекте расширения границ нормативного гендерного поведения (табл. 3).

Сравнительный анализ материалов опроса показывает, что в 2004 г. больше всего указаний на главенство мужа и со стороны мужчин, и со стороны женщин выявлялось в Ингушетии, далее расхождения увеличивались в Карачаево-Черкесии. В Ростовской области выявлялся наибольший процент указаний на главенство женщины или на равноправие в семье. Эмпирические данные 2010 г. зафиксировали сближение гендерных оценок в наблюдаемых республиканских сегментах. Можно говорить о проявлении тенденции роста статуса отца (свекра) в семье. А именно: в настоящее время от 32,3 до 42,9 % жителей северокавказских республик разделяют традиционную этнокультурную установку на доминирование старшего мужчины в семье (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Кто глава вашей семьи?», %

Место опроса	Пол информанта	Муж	Жена	Отец (свекор)	Мать (свекровь)	Равноправие
<i>2004 г.</i>						
КЧР	Муж.	80,0	5,0	10,0	0,0	5,0
	Жен.	43,5	16,5	11,8	9,4	18,8
РИ	Муж.	65,2	6,5	23,9	4,3	0,0
	Жен.	72,9	4,7	15,3	3,5	3,5
РО	Муж.	84,2	10,5	0,0	–	5,3
	Жен.	58,7	21,7	4,3	–	15,2
<i>2010 г.</i>						
КБР	Муж.	48,6	–	42,9	2,9	5,7
	Жен.	40,3	5,2	33,8	3,9	16,9
РИ	Муж.	52,5	2,5	37,5	–	7,5
	Жен.	58,2	2,0	31,6	–	8,2
РА	Муж.	53,8	2,6	35,9	–	7,7
	Жен.	57,6	2,0	32,3	–	8,1
РО	Муж.	74,2	4,7	9,4	–	11,7
	Жен.	56,4	17,9	11,5	–	14,1

Гендерные аспекты этнокультурных процессов

Определение качеств, которые детерминируют роль главы семьи, также варьируется в зависимости от региона проживания и гендерной принадлежности респондентов. Общим местом остается процентное преобладание позиций «пол», «сила характера» и «возраст» в качестве параметров, определяющих лидерство в семье. В опросе 2004 г. фиксировалось расхождение между ответами мужчин и женщин в сторону ослабления для последних значимости аскриптивных качеств. Также наибольшее число указаний на то обстоятельство, что гендерная принадлежность определяет статус в семье, встречалось в «ингушском» сегменте, далее по убыванию располагались Карачаево-Черкесская Республика и Ростовская область. Исследование 2010 г. показало, что по всем северокавказским республикам прослеживается значимое увеличение доли опрошенных, которые статус главы семьи определяют исходя из его возраста. Кроме того, относительно большее число жительниц Ингушетии и Адыгеи делают акцент на половую принадлежность семейного лидера. Позиции опрошенных в Кабардино-Балкарской Республике сопоставимы с данными, полученными в Карачаево Черкесии. И меньше всего ориентаций на аскриптивные параметры встречается в Ростовской области (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Чем определяется роль главы семьи?», %

Место опроса	Пол информанта	Пол	Возраст	Сила характера	Материальное положение	Высокий социальный статус	Наличие влиятельных родственников
<i>2004 г.</i>							
КЧР	Муж.	36,4	36,4	13,6	4,5	4,5	–
	Жен.	22,5	22,5	37,1	9,0	4,5	4,5
РИ	Муж.	42,0	12,0	36,0	4,0	–	–
	Жен.	28,0	16,1	37,6	9,7	1,1	1,1
РО	Муж.	12,0	4,0	73,9	13,0	–	–
	Жен.	12,1	6,9	50,0	15,5	3,4	3,4
<i>2010 г.</i>							
КБР	Муж.	31,7	18,3	26,7	8,3	3,3	–
	Жен.	22,8	34,2	26,3	8,8	0,9	–
РИ	Муж.	40,0	24,0	20,0	10,0	–	–
	Жен.	35,5	20,9	28,2	10,9	9,0	9,0
РА	Муж.	40,8	22,4	20,4	10,2	–	–
	Жен.	35,1	21,6	27,9	10,8	9,0	9,0
РО	Муж.	24,1	13,5	31,8	18,2	1,8	–
	Жен.	9,4	14,1	43,5	14,1	4,2	5,0

Компаративный анализ внутрисемейного разделения труда по результатам опроса в 2004 и 2010 гг. показывает, что такие виды домашней работы, как приготовление пищи, покупка продуктов, стирка, уборка, глажение, по традиции выполняются преимущественно женщинами. Тем не менее прослеживается тенденция убывания выраженности гендерного разделения труда от Ингушетии и Адыгеи (наибольшая выраженность) к Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии (средняя степень) и к Ростовской области (меньшая степень). Что касается воспитания детей, то в республиках Северного Кавказа от 2004 к 2010 г.

отмечается большая степень задействования женщин в этой сфере, а по Ростовской области показатели практически не изменились (табл. 5).

Вместе с тем от первого ко второму этапам опроса фиксируется тенденция нарастания степени участия жительниц северокавказских республик в пополнении семейного бюджета в таких относительно «консервативных» республиках, как Ингушетия и Адыгея. В то же время в Кабардино-Балкарии пережитый экономический кризис потребовал мобилизации усилий со стороны всех членов семьи, тогда как в Ростовской области за прошедшие 6 лет повысился удельный вес заработков мужа в формировании основы семейного бюджета (табл. 5).

Таблица 5

**Распределение ответов на вопрос
«Кто в Вашей семье преимущественно занимается следующими делами?», %**

Место опроса	Муж	Жена	Отец (свекор)	Мать (свекровь)	Дети	Все члены семьи
<i>Воспитание детей — 2004 г.</i>						
КЧР	26,0	43,7	4,3	7,8	3,5	14,7
РИ	23,7	48,5	3,6	11,8	0,6	11,8
РО	14,5	39,1	2,9	4,3	—	39,1
<i>2010 г.</i>						
КБР	1,7	23,5	16,5	10,4	—	47,8
РИ	13,0	56,9	0,8	14,6	0,8	13,8
РА	13,0	56,9	0,8	14,6	0,8	13,8
РО	16,5	37,9	4,0	5,9	1,1	34,6
<i>Зарабатывание денег — 2004 г.</i>						
КЧР	48,1	28,7	1,7	1,7	5,1	14,8
РИ	52,2	30,4	5,4	1,6	2,2	8,2
РО	39,1	16,3	3,3	5,4	30,4	40,6
<i>2010 г.</i>						
КБР	27,3	3,0	9,1	2,0	4,0	54,5
РИ	42,6	20,2	5,3	7,4	5,3	19,1
РА	42,6	20,2	5,3	7,4	5,3	19,1
РО	51,0	8,7	4,2	1,5	1,5	33,1
<i>Управление бюджетом — 2004 г.</i>						
КЧР	48,1	28,7	1,7	1,7	5,1	14,8
РИ	52,2	30,4	5,4	1,6	2,2	8,2
РО	39,1	16,3	3,3	5,4	30,4	40,6
<i>2010 г.</i>						
КБР	20,2	19,3	21,8	11,8	—	26,9
РИ	37,5	32,8	7,8	12,5	0,8	8,6
РА	37,5	32,8	7,8	12,5	0,8	8,6
РО	39,6	31,9	3,5	5,6	1,3	18,1

На этом фоне изменились и процентные показатели участия различных членов семьи в управлении семейным бюджетом. В кавказских республиках с повышением статуса старших по возрасту членов семьи возросла и степень их причастности к определению статей расходов. В ростовском же сегменте произошло перераспределение функций управления бюджетом от всех членов семьи в сторону женщины (жены) (табл. 5).

Гендерные аспекты этнокультурных процессов

Рассмотрение характера имущественных отношений в семье отдельно по гендерным подгруппам показывает, что принятие решений о совершении различных покупок оценивается зачастую мужчинами и женщинами по-разному. Если результаты опроса 2004 г. фиксировали, что в рассматриваемых республиках покупка недорогих вещей была преимущественно в ведении жен (причем женщины чаще приписывают себе эту функцию по сравнению с оценками мужчин), то в 2010 г. наблюдается уже значительно большее число указаний на решение подобных вопросов старшей женщиной в семье (матерью/свекровью). Особенно это характерно для Ингушетии и Адыгеи. В Ростовской области на двух этапах исследования процентные показатели свидетельствуют о распространенности коллегиальных принципов в принятии супругами решений о расходах на недорогие вещи.

Дорогие покупки на первом этапе опроса уже чаще совершаются после принятия решения всеми членами семьи в Карачаево-Черкесии, преимущественно мужчинами в Республике Ингушетия и коллегиально в Ростовской области, хотя в ингушском подмассиве заметно стремление женщин оспаривать в этом вопросе лидерство мужчин. Исследование 2010 г. показало, что в северокавказских республиках большую значимость приобретает мнение родителей (свекров) по этому вопросу. Также остается выраженной разница в ответах мужчин и женщин, которые чаще приписывают себе определяющую роль в принятии решений. В Ростовской области ситуация принципиально не изменилась (табл. 6, 7).

Таблица 6

**Распределение ответов на вопрос
«Кто в Вашей семье принимает следующие решения?», 2004 г., %**

Место опроса	Пол информанта	Муж	Жена	Отец (свекор)	Мать (свекровь)	Оба супруга	Все взрослые члены семьи
<i>Покупка недорогих вещей</i>							
КЧР	Муж.	15,8	38,5	–	–	30,8	19,2
	Жен.	2,4	60,0	–	4,7	16,5	16,5
РИ	Муж.	14,6	65,9	–	2,4	–	17,1
	Жен.	1,2	63,0	–	11,1	11,1	13,6
РО	Муж.	21,7	26,1	–	–	30,4	21,7
	Жен.	4,5	45,5	–	4,5	25,0	20,5
<i>Покупка дорогих вещей</i>							
КЧР	Муж.	25,0	25,0	–	6,3	25,0	18,8
	Жен.	24,2	24,2	–	4,4	23,1	24,2
РИ	Муж.	45,1	23,5	2,0	7,8	11,8	10,9
	Жен.	29,1	30,2	3,5	4,7	20,9	11,6
РО	Муж.	18,2	18,2	–	–	54,5	9,1
	Жен.	4,3	28,3	–	–	41,3	26,1
<i>За кем остается последнее слово</i>							
КЧР	Муж.	77,8	11,1	–	–	5,6	5,6
	Жен.	40,4	31,5	11,2	4,5	7,9	4,5
РИ	Муж.	68,9	15,6	6,7	8,9	–	–
	Жен.	55,0	15,0	12,5	5,0	10,0	2,6
РО	Муж.	60,9	4,3	–	–	26,1	8,7
	Жен.	23,9	37,0	2,2	–	21,7	15,2

Особенности традиционного гендерного дисплея, приписывающего мужскому восприятию оценку своей позиции во всех семейных делах как решающей, прослеживается у опрошенных мужчин во всех регионах. Основная их часть указывала в 2004 г., что за мужем остается последнее слово в обсуждении всех вопросов (77,8 % — в Карачаево-Черкесии, 68,9% — в Республике Ингушетия, 60,9 % — в Ростовской области). Однако отношение к этой проблеме со стороны женщин различается по рассматриваемым сегментам проживания. Треть карачаево-черкесских и ростовских женщин и только около десятой части ингушских отмечают свое доминирование в принятии окончательных решений по важным проблемам. И опять же — наиболее высок процент указаний на равноправие в ростовском сегменте (табл. 6).

Таблица 7

**Распределение ответов на вопрос
«Кто в Вашей семье принимает следующие решения?», 2010 г., %**

Место опроса	Пол ин- форманта	Муж	Жена	Отец (свекор)	Мать (свекровь)	Оба супруга	Все взрослые члены семьи
<i>Покупка недорогих вещей</i>							
КБР	Муж.	6,5	19,4	6,5	12,9	25,8	29,0
	Жен.	5,6	33,8	1,4	7,0	25,4	26,8
РИ	Муж.	8,6	48,6	2,9	17,1	8,6	10,0
	Жен.	12,5	52,5	2,5	15,0	7,5	14,3
РА	Муж.	8,8	50,0	2,9	17,6	8,8	11,8
	Жен.	12,3	51,9	2,5	14,8	7,4	11,1
РО	Муж.	25,0	16,1	1,6	2,4	41,1	13,7
	Жен.	7,0	31,8	1,9	1,3	33,1	24,8
<i>Покупка дорогих вещей</i>							
КБР	Муж.	18,2	6,1	24,2	—	—	18,2
	Жен.	6,5	11,7	5,2	2,6	—	39,0
РИ	Муж.	8,6	48,6	2,9	17,1	8,6	14,3
	Жен.	15,9	30,5	3,7	13,4	23,2	13,4
РА	Муж.	22,2	22,2	5,6	13,9	19,4	16,7
	Жен.	15,7	30,1	3,6	13,3	22,9	14,5
РО	Муж.	26,0	11,8	5,5	2,4	42,5	11,8
	Жен.	15,8	19,0	1,3	6	40,5	22,8
<i>За кем остается последнее слово</i>							
КБР	Муж.	45,7	—	28,6	—	—	17,1
	Жен.	33,3	2,7	22,7	2,7	—	17,3
РИ	Муж.	51,3	5,1	15,4	5,1	10,3	12,8
	Жен.	46,0	18,4	16,1	6,9	6,9	5,7
РА	Муж.	52,6	5,3	13,2	5,3	10,5	13,2
	Жен.	45,5	18,2	17,0	6,8	6,8	5,7
РО	Муж.	54,0	10,5	8,1	1,6	17,7	8,1
	Жен.	37,3	20,9	2,5	3,2	24,1	12,0

На современном этапе в республиках Северного Кавказа повышается авторитет старших членов семьи, но если в случае с принятием решений о покупках фиксируется большая роль матери (свекрови), то последнее слово чаще

Гендерные аспекты этнокультурных процессов

остается за старшим мужчиной. Снижаются также процентные показатели оспаривания женщинами авторитета мужчин, причем и в Ростовской области. Но, с другой стороны, в ростовском подмассиве эгалитарная модель принятия решений также не теряет своих процентных показателей (табл. 7).

Немаловажным вопросом в изучении степени трансформации гендерных отношений в Северо-Кавказском регионе является проблема проявления этнических традиций и норм на начальном этапе формирования семьи. Для традиционного общества характерно преимущественное вступление в брак по воле родителей. Эмпирические замеры на первом этапе опроса зафиксировали, что большинство населения рассматриваемых территорий считало, что вступление в брак должно совершаться и произошло в их реальной жизни по собственному желанию, но с учетом мнения родителей. Наиболее высокие показатели заключения брака только исходя из личных соображений (около трети респондентов) фиксировались в Карачаево-Черкесии и Ростовской области. Спустя 6 лет установки опрошенных стали более консервативными: уже значительно большее число респондентов разделяют установку о том, что выходить замуж или жениться нужно по воле родителей, и реализуют ее в собственной жизни. Особенно это заметно в Ингушетии и Адыгее. В Кабардино-Балкарской Республике наблюдается большая компромиссность между традициями и новациями, а в Ростовской области — усиление роли собственного желания при вступлении в брак (табл. 8).

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос «Каким образом необходимо вступить в брак и как это произошло в Вашем случае?», %

Место опроса	По воле родителей		По собственному желанию, учитывая мнение родителей		По собственному желанию, даже если это вопреки мнению родителей	
	Необходимо	Реальная практика	Необходимо	Реальная практика	Необходимо	Реальная практика
<i>2004 г.</i>						
КЧР	14,6	16,1	78,8	51,0	6,6	32,9
РИ	11,6	12,7	80,2	79,7	8,3	7,6
РО	0,0	1,7	75,4	63,8	24,6	34,5
<i>2010 г.</i>						
КБР	7,2	10,5	86,5	63,2	6,3	26,3
РИ	24,0	19,3	58,0	38,0	3,3	3,3
РА	28,1	31,9	68,0	62,6	3,9	5,5
РО	10,8	16,3	57,4	46,3	31,8	37,4

Неотъемлемой составляющей традиционной культуры автохтонных северокавказских народов являются обычаи избегания, которые в семейной сфере проявлялись через запреты собираться совместно за одним столом женщинам и мужчинам, а также младшим и старшим по возрасту и статусу в семейной иерархии. Проведенные в разные годы эмпирические замеры показывают, что на Северном Кавказе обычай, согласно которому жена без присутствия посторонних не участвует в семейной трапезе (т. е. не сидит за одним столом), не является актуальным

как 6 лет назад, так и на современном этапе (хотя около десятой доли опрошенных на втором этапе в Ингушетии и Адыгее соблюдают его). Однако более жесткие требования предъявляются к соблюдению традиций в том случае, когда в доме находится свекор или тесть. Результаты опроса в 2004 г. показывали, что в подобной ситуации женщины не сидят с членами семьи мужского пола за одним столом в 43,1 % случаев в Карачаево-Черкесии и в 96,4 % — в Ингушетии. В 2010 г. исследование зафиксировало, что эта традиция соблюдается в половине случаев в Кабардино-Балкарии и в 88,1 % — в Ингушетии и Адыгее (табл. 9).

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос «Сидит ли в Вашей семье жена за одним столом во время обеда (завтрака, ужина) в следующих ситуациях?», %

	2004 г.		2010 г.		
	КЧР	РИ	КБР	РИ	РА
<i>Без посторонних</i>					
Да	97,5	94,3	94,8	85,4	87,4
Нет	2,5	5,7	5,2	14,6	12,6
<i>При свекре, тесте (отце мужа, жены)</i>					
Да	56,9	3,6	47,9	10,8	11,9
Нет	43,1	96,4	52,1	89,2	88,1
<i>При прочих родственниках</i>					
Да	61,3	40,6	66,7	42,5	40,6
Нет	38,7	59,4	33,3	57,5	59,4
<i>При посторонних</i>					
Да	67,4	5,6	50,0	11,0	12,4
Нет	32,6	94,4	50,0	89,0	87,6

Отметили, что жены участвуют в семейных застольях в присутствии других родственников 61,3 % карачаево-черкесских респондентов и 40,6 % опрошенных в Ингушетии в 2004 г. Примерно такое же соотношение процентных показателей по «традиционалистским» и «переходным» республикам — в 2010 г.: в Кабардино-Балкарии положительные ответы дали более 60 % респондентов, а в Ингушетии и Адыгее около 40 %.

Анализ динамики гендерных установок населения Северного Кавказа в процессе модернизационного перехода позволяет сделать следующие выводы.

Социетальные ценности, регулирующие организацию семейной жизни населения Северного Кавказа, продолжают характеризоваться преимущественно традиционалистской направленностью. Доминирующее число мужчин данного региона и в 2004 г., и в 2010 г. были ориентированы на проявление традиционного гендерного дисплея — оценку своего семейного статуса как лидирующего и поддержание межполового разделения труда.

Вместе с тем эмпирические материалы позволяют говорить о наличии тенденции декомпозиции консервативных гендерных паттернов в подгруппе женщин, проживающих в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии, основная часть которых выражает установку на выравнивание гендерной иерархии в семейной сфере. Более всего этнокультурные традиции в организации приватного пространства выражены в Ингушетии и Адыгее. Промежуточный уровень

и большая компромиссность между традициями и новациями наблюдаются в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. В наиболее концентрированном виде современные нормы внутрисемейного взаимодействия представлены в Ростовской области.

С другой стороны, на протяжении исследуемого периода в республиках Северного Кавказа наблюдается тенденция роста статусных позиций старшего мужчины в семье (его роль как главы семьи, значимость возрастных характеристик в определении лидерства, участие в распределении доходов семьи и пр.). В Ингушетии и Адыгее возросли также показатели консервативности в поддержании традиционных норм этнокультуры (принципы вступления в брак, обычаи семейного этикета).

Таким образом, можно заключить, что сфера гендерных отношений Северо-Кавказского региона характеризуется преимущественно традиционалистским содержанием в Ингушетии и Адыгее, что говорит об антимодернистском потенциале социокультурных практик их населения. Причем за период с 2004 по 2010 г. результаты наших эмпирических исследований позволяют наметить тенденцию роста степени выраженности ориентаций на возврат к этнонациональным традициям. В Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии в ходе опросов проявился достаточно заметный уровень трансформации консервативных гендерных референций, который особенно выражен среди женской части их жителей. Однако сопротивление модернизационным подвижкам продолжает оказывать большинство мужчин. Среди респондентов Ростовской области ценности и нормы, регулирующие гендерное взаимодействие, в наибольшей степени соответствуют эгалитарному характеру организации социальной жизни.

Библиографический список

1. *Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Дмитриев А. В.* Региональная конфликтология: концепты и российская практика. М. : Альфа-М, 2008. 368 с.
2. *Айвазова С. Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия : (очерки политической теории и истории : документальные материалы). М. : РИК Русанова, 1998. 408 с.
3. *Денисова Г. С., Уланов В. П.* Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов н/Д : РГПУ, 2003. 352 с.
4. *Дзуцев Х.* Эволюция осетинской семьи и межсемейных отношений: этносоциологический анализ. Владикавказ : Проект Пресс, 1998. 206 с.
5. *Карпов Ю. Ю.* Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб. : Петербургское востоковедение, 2001. 493 с.
6. *Клименко Л. В.* Гендерные отношения в контексте социальной динамики традиционных культур народов Северного Кавказа : дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2004. 166 с.
7. *Кузнецова Т. Г.* Этнокультурные особенности семейно-брачных отношений у народов Северного Кавказа в XIX — начале XX в. // Социальные изменения. Ценности. Духовность : сб. науч. тр. Ростов н/Д : Деловой мир, 2002. С. 32—44.
8. *Мальшева М. М.* Современный патриархат : социально-экономическое эссе. М. : Academia, 2001. 352 с.
9. *Матишов Г. Г., Авксентьев В. А., Батиев Л. В.* Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Ростов н/Д : ЮНЦ РАН, 2008. 352 с.

10. Смирнова Я. С. Трудовые роли и статусы женщины в традиционных обществах народов Кавказа // Этнографическое обозрение. 1997. № 4. С. 48—60.
11. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М. : Смысл, 1998. 386 с.
12. Тыкова А. А. Эволюция социального статуса адыгской женщины в обществе : гендерный подход. Майкоп : Изд-во МГТУ, 2006. 126 с.
13. Хоперская Л. Л. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе. Ростов н/Д : СКАГС, 1997. 143 с.
14. Шоранова З. В. Гендерное равенство в культурно-историческом развитии народов Северного Кавказа : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2010. 21 с.
15. Юг России: проблемы, прогнозы, решения : сб. науч. ст. / гл. ред. Г. Г. Матишов. Ростов н/Д : ЮНЦ РАН, 2010. 320 с.
16. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. М. : Омега-Л, 1998. 629 с.

ББК 60.542.21-26

У. К. Мутаев

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОЙ ДАГЕСТАНСКОЙ ЖЕНЩИНЫ

Под социальным пространством понимаются физические и мировоззренческие границы женской и мужской функциональности в обществе, определяемые хозяйственными, социально-политическими, идеологическими и культурными факторами. П. Бурдые характеризует его как «многомерное пространство позиций, в котором любая существующая позиция может быть определена, исходя из многомерной системы координат, значения которых коррелируют с соответствующими различными переменными...» [1, с. 53—54]. К позициям, характеризующим гендерную специфику социального пространства жителей Дагестана, можно отнести семейное, политическое и культурное поля, которые имеют достаточно четкую иерархию и структуру.

Социальное пространство женщин Дагестана исторически формировалось под воздействием не только хозяйственно-экономических и общественных условий жизни, но и господствовавших в обществе на каждом этапе развития идеологических взглядов, этнокультурных традиций, постулатов исламской религии, гендерных стереотипов о предназначении полов.

Общеизвестно, что статус женщин, проживавших в Дагестане 100 лет назад, отличался существенным ограничением политических и гражданских прав по сравнению с мужчинами. Положение мужчин и женщин в традиционном мусульманском обществе утверждало разные схемы двух жизненных основ, обеспечивая изначальное, условно природное превосходство мужчины над женщиной. В советский период дагестанские женщины активно обучались грамоте, получали образование в вузах и техникумах, становились ведущими специалистами, реализовывались во властных структурах.